

ВЛАДИМИР КАЗАКОВ

ПОСЛЕ ОТСТОЯ

ПЕНЫ

ИСТОРИЯ
МОСКОВСКИХ
ПИВНЫХ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 641.44(470-25)
ББК 65.431(2-2Москва)
К14

Во внутреннем оформлении использована
фотография:

© Дмитрий Астахов / РИА Новости

Казаков, Владимир Игоревич.

К14 После отстоя пены : история московских пивных / Владимир Казаков. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. : ил.

ISBN 978-5-04-214796-8

Эта книга — хроника исчезнувшей Москвы, рассказанная через пивные залы позднего СССР. Не просто места, где наливали пиво, а городские клубы по интересам, где встречались журналисты и рабочие, студенты и артисты, дипломаты, болельщики и будущие классики литературы.

Следуя по маршрутам легендарных московских пивных — от «Ямы» и «Жигулей» до «Сайгона», ВДНХ и окраинных ангаров, — автор фиксирует живую ткань города: разговоры, очереди, жаргон, мифы и характеры.

Это книга не просто о пиве — это книга о Москве и москвичах, написанная в лучших традициях репортажной прозы Владимира Гиляровского.

УДК 641.44(470-25)
ББК 65.431(2-2Москва)

© Владимир Казаков, текст, 2026
© Василий Колотев, иллюстрация
на обложке, 2026
© Алексей Иорш, иллюстрации, 2026
© Владислав Быков, фотографии, 2026
© Киноконцерн «Мосфильм», фото, 1979
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-214796-8

СОДЕРЖАНИЕ

История московских пивных	5
Пошли в «Яму»!	18
А соберемся, пожалуй, в «Жигули»!	46
Гулять в Парк Горького!	72
«Сайгон» — «КПЗ» («Киевский Пивной Зал»)	105
Великие пивные местного значения! ...	130
Останкинские и ВДНХовские пивные ...	174
Именитые пивные регионального значения	218
Там-сям, туда-сюда. Бессмысленно и безалаберно о пиве в Москве	311
Пивные благородные (с именами собственными)	380
Используемая литература	383

*Спасибо художнику Алексею Ёршу
за прекрасные рисунки к каждой главе.*

*И особая благодарность выдающемуся
художнику Василию Ивановичу Колотеву
за картину «И корабль плывет...
Пивная» на обложке. Это Коробейников
переулок. Все персонажи там реальные
люди, картина написана в 1979 году.*

ИСТОРИЯ МОСКОВСКИХ ПИВНЫХ

Я очень давно хотел написать о московских пивных. Не соврать, лет двадцать назад подготовил заявку в одно издательство. И мне ее даже одобрили. Но времена были бурные, издательство накрылось медным тазом, прежде чем я сел за стол.

Уже тогда понимал, что традиционные московские пивные уходят безвозвратно. Исчезли они не только как точка общепита (этим, надо сказать, они были не особо интересны). Пропала навсегда важная социальная составляющая нашей поздней советской эпохи.

Эпохи, когда мы были юными и молодыми. Как гласит одно из корневых русских выражений — во времена, «когда деревья были большими». И для каждого поколения есть свои такие деревья. И в символическом смысле, и в реальности.

Кстати, во многих простеньких московских пивных, в летних загончиках, были именно такие деревья, которые росли, мужали и старели вместе с обитателями этих забегаловок.

Для нормального человека прошлое всегда кажется светлее и чище. То, что мы ругали тогда, сейчас кажется милым и слег-

ка наивным. Так что же такое за явление в истории Москвы — пивные?!

Моя юность и молодость, совпавшая с брежневским и позднесоветским временем, были абсолютно раздолбайскими. И я облазил все эти московские пивняки вдоль и поперек. Конечно, я был далеко не во всех заведениях Москвы. Это просто физически невозможно. Здоровья не хватит. Но многие стали для меня, да и многих моих друзей, практически родными.

Казалось бы, что может быть интересного в пивных?! «Дело-то житейское», как любили тогда цитировать Винни Пуха. По сути, наливай да пей. По ассортименту они все были похожи. Но на самом деле все гораздо сложнее. Пивная того времени — это не просто заведение, где разливают пиво.

Это непарадная, неофициальная центральная точка того или иного района. В своем роде вариант русской общины или атеистический вариант церковного прихода, прости господи, где все друг друга так или иначе знают.

Кто женился, кто развелся, у кого на работе проблемы, у кого все хорошо, как сыграли «Спартак» или «Динамо», — все эти вопросы были в центре внимания. Тут можно было обсудить новый фильм, найти правильного врача или парикмахера, устроить ребенка-раздолбая в институт или на работу.

Пивные посещали люди совсем разного достатка. Часто там можно было видеть знаменитых артистов, писателей, художников. Или вот, например, в районе метро «Смоленская» и «Арбатская», почти напротив друг

друга, находились две крошечные «точки». По обеим сторонам Садового кольца. Та, которая на стороне Министерства иностранных дел, в народе называлась «У Андрея Андреевича». То есть имелся виду Андрей Андреевич Громыко, многолетний министр иностранных дел СССР. (Пивные, надо сказать, никакие. Маленькие, обшарпанные. Обе.) Так вот, и там, и там вместе с местными обывателями, работягами в спецовках, спокойно стояли и множество сотрудников МИДа! В белых рубашках и галстуках. И никого это не смущало.

У некоторых москвичей в пивных даже проходила часть работы. Или, точнее, службы. Например, мой друг, ветеран контрразведки, рассказывал, что в советское время встречи с агентурой у него проходили в пивном баре «Жигули» на Калининском проспекте (Новом Арбате).

Если раньше место жительства определялось близлежащим храмом, то в эти времена зачастую ориентировались по пивной. Если кто-то говорил: «Живу рядом с “Ямой”!», было ясно, что человек обитает либо в Столешниковом переулке, либо на Пушкинской улице (Большой Дмитровке), либо на улице Горького (Тверской).

Московские пивные — это даже не уходящая, это уже ушедшая натура, целый социально-культурный пласт, который безвозвратно исчез из современной жизни. Его сейчас нет. Как и самих пивных, и даже зданий, где они располагались. Уцелели единицы, например «Жигули» на Новом Арбате. Да, наверное, больше и нет, правда.

В книге будет рассказано о наиболее известных пивных Москвы 1970–80–90-х, таких как «Яма», она же «Ладья», «Семь дорог», «Большой Головин», «Жигули», «Сайгон», он же «КПЗ», «Коробейники», или «Пни», или «Корпус «Г», и других. Странные названия были у них, конечно, неофициальные. И одна и та же пивная могла называться у разных завсегдатаев по-разному.

Например, пивная в Коробейниковом переулке у местных так и называлась — «Коробейники», «Корабли», а у студентов иныа, в котором учился и я, она называлась «Корпус «Г». Просто в самом МГПИЯ им. Мориса Тореза было официально три корпуса: «А» — главное здание, старинный особняк восемнадцатого века генерала-губернатора Москвы Еропкина, «Б» — новое институтское здание из силикатного кирпича во дворе основного, и «В» — здание девятнадцатого века, рядом, через Еропкинский переулок.

Ну а «Г» — пивная через дорогу, то бишь наискосок через Метростроевскую улицу (ныне Остоженку), где торчали и студенты, и преподаватели. Где, если повезет, можно было сдать зачет прямо за кружкой пива. А вот у студентов факультета журналистики МГУ, которые тоже часто сюда наезжали, это место называлось «Пни». К деревьям это слово отношения не имело. Просто сокращенно от «Пивная напротив иныа».

Кстати, это были не единственные «ПНИ» в Москве. Их было несколько. Только они расшифровывались как «Пивная напротив

института»! И такая чехарда с названиями была повсеместно.

Да, и кстати, очень часто пивная была как бы привязана к определенному институту или университету. Например, как я говорил, в пивную в Коробейниковом переулке ходили студенты МГПИИЯ им. Мориса Тореза, пивную «Пиночет» на Волоколамском шоссе считали своей студенты МАИ, Пищевого института и Строгановского училища, заведение на Трифоновской улице — «Трифона» в просторечье — оккупировали ребята из МИИТа.

Есть упоминания о разных пивных в кинофильмах того времени, в художественной литературе, фольклоре, песнях и стихах. Об этом тоже будет рассказано.

А также о том, что пили в то время (пиво, вино, водка и т. д.), сколько это стоило, где продавалась, также о домах, где располагались пивные, об архитектуре вокруг, о знаменитых людях, посещавших эти заведения, о быте тех времен. О культурной и общественной среде вокруг пивных тех времен.

Еще надо добавить, что те пивные — это чисто мужское развлечение. Женщин там практически не было. Даже в приличных «Жигулях» или «Ракушке» на Юго-Западе женщин в зале были единицы. И обязательно со своим мужиком. Который будет сдерживать на дверях в сортире рвущихся туда мужиков, пока его дама делает свои дела. Женских туалетов в пивных не было в природе. Ни в дорогих, ни в дешевых, повторю.

А недавно был в пивном ресторане в районе Маяковки. Все хорошо, цивилизно. Но поразился: в зале процентов восемьдесят пять, не меньше — это женщины! Причем без мужчин. Сами по себе. Хорошо одетые, ухоженные. Удивительно.

Да, и еще сейчас исчез гул. В пивных раньше был такой постоянный, не утихающий гул. Все говорили громко, особенно после второй-третьей кружки: анекдоты, истории, просто о жизни и любви, обсуждали политику, смеялись.

И курили. Много. Дым стоял клубами над головами людей. И это не преувеличение. Сейчас тишина, играет музыка, курят на улице. Короче не пивная, а консерватория с подачей напитков.

Кстати говоря, еще важнейший вопрос: «А что пили-то?!» Понятно, что пиво. Но какое?! Недавно встречался со знаменитым продюсером Анатолием Сивушовым («Бригада», «Крестonosец» и т. д.). В современном пивном баре. На Пятницкой. Бармен спросил: «А какое вам пиво?» — и ткнул в доску, на которой мелом было написано штук тридцать сортов. Я, несколько смутившись, потоптался и попросил отечественного. На что он ответил:

— Нашего тоже много. Сейчас в Подмосковье полно мелких пивоварен.

— Эх! Ну дайте хоть что-то!

Налили. Вроде вполне ничего. А как было в те годы, о которых я, собственно, и пишу? А был монополизм. Везде и всегда до конца семидесятых в московских пивных было

только «Жигулевское». И ни шагу ни влево, ни вправо. Если среди бутылочного пива было хоть какое-то разнообразие — было и «Московское», и «Рижское», и «Двойное золотое», и «Останкинское», и «Мартовское» со «Славянским», и другие, то в розлив только «Жигулевское». Правда, разных заводов, и оно отличалось по вкусу.

«Жигулевское», вообще-то, имеет дореволюционную историю. В конце XIX века пивной завод поставил в Самаре на волжской воде австриец Альфред фон Вакао. В 1914 году завод национализировали. Потому что с немцами и австрийцами началась война. И тогда все имущество граждан с немецко-австрийскими паспортами обратили в доход государства. Кстати, по всей стране тогда прокатилась волна немецких погромов. Но потом революция, советская власть, и завод продолжал выпускать пиво под маркой «Венское».

А в 1934 году Анастас Микоян, являвшийся наркомом пищевой промышленности СССР, приехал в Самару, попробовал местное пиво. Анастасу Ивановичу оно пришлось по вкусу, но единственное, что его сильно смущало, — это название самого пива. Негоже рекламировать зарубежную столицу! Поэтому ВНИИ Пищевой промышленности разработал на базе «Венского» новый рецепт. И вот это-то пиво уже и стало называться по Жигулевским горам, расположенным на другой стороне Волги.

Вот обнаружил такие сведения о пиве и Владимир Ильич Ленин. Пишут, что

в 1892–1893 годах, работая помощником адвоката Андрея Хардина, Владимир Ульянов был не прочь выпить кружку «Венского» пива Жигулевского пивоваренного завода.

Знакомец Ленина Михаил Семенов вспоминал, что Ленина на Жигулевский завод водил его друг Алексей Скляренко (псевдоним Попов, еще один революционер-подпольщик):

«В Самаре он нередко затаскивал Владимира Ильича на Жигулевский завод, где в беседке над Волгой они распивали бутылку пива. Ильич шутливо звал его “доктором пивоведения”».

Соратник Ленина Исаак Лалаянц также оставил «пивные» воспоминания о самарском периоде жизни революционера:

«Нам удавалось отправиться куда-нибудь за город, например в Аннаевское кумысолечебное заведение, или прямо на берег Волги, к пароходным пристаням, где можно было в достаточно чистой и уютной комнатке какой-нибудь скромной пристанской пивной вести беседы на интересующие нас темы за кружкой жигулевского пива, чем мы отвлекали от себя внимание посторонних».

По словам Лалаянца, у товарища Ленина, Попова, была «удивительная способность» «быстро и наверняка находить чистенькую и спокойную пивную с великолепным жигулевским пивом, за что вскоре тогда же он получил от Владимира Ильича почетное звание «доктора пивопития».

В 1900 году Ленин эмигрировал в Европу. Он довольно долго (пять лет) жил в Швейцарии и Лондоне.

Какое-то время Владимир Ильич проводил в баварском Мюнхене, славящемся своими пивными. В городе Ленин любил знаменитое заведение «Хофбройхаус».

Ленин предпочитал лагер «Хофброй Оригинал», с легкой горчинкой. «Ильич похваливал мюнхенское пиво с видом знатока и любителя», — отмечала его жена Надежда Крупская.

«Мы хотели заехать в Мюнхен денька на два, — вспоминала супруга большевистского вождя, — посмотреть, каким он стал с того времени, как мы там жили в 1902 году, но так как мы очень торопились, то в Мюнхене пробыли лишь несколько часов <...> в ресторане “Хофброй”. На стенах, на пивных кружках везде стоят буквы “Н.В.” (Hofbräuhaus) — “Народная воля”, — смеялась я. В этой-то “Народной воле” и просидели мы весь вечер».

По воспоминаниям писателя Ильи Эренбурга, в Париже в канун Первой мировой Ленин по-прежнему пил пиво — хотя многие большевики предпочитали красный ликер гренадин.

«Гренадин. Все наши пьют гренадин...» — говорила Эренбургу одна парижская большевичка.

«Действительно, всем приносили ярко-красный приторный сироп, к которому добавляли сельтерскую воду. Только Ленин заказал кружку пива. (Потом я неоднократно слышал, как официанты удивлялись: революционеры, а пьют гренадин!.. Сироп французы прибавляют к чересчур горьким крепким напиткам; а в воскресенье, когда посетители приводят

в кафе всю семью, малышей бесплатно угощают гренадином», — отмечал писатель.

В другой раз, вспоминал Эренбург, он увидел Ленина снова с пивом — «приземистый лысый человек за кружкой пива, с лукавыми глазками на красном лице, похожий на добродушного бургера, держал речь».

И еще эпизод из жизни вождя мирового пролетариата в Париже, запечатленный революционером Пантелеймоном Лепешинским: «У Ландольта он потребовал себе одну кружку пива, затем, залпом осушив первую, взял себе другую, потом третью... Он сделался шумлив, болтлив и весел... Но так весел, как я не пожелал бы ему быть никогда. В первый (и единственный) раз в жизни я видел этого человека со стальной волею — прибегающим для успокоения своих расхоdivшихся нервов к такому искусственному и ненадежному средству, как алкоголь...»

Но вернемся к «Жигулевскому». Пиво действительно было хорошее. Согласно ГОСТу, «Жигулевское пиво» должно было иметь светлый цвет и крепость не менее 2,8 процента. Также исходный экстракт должен был составлять не менее 11 процентов. Что еще немаловажно, в нем было прописано, какое сырье можно было использовать для приготовления данного напитка, и сколько должна составлять продолжительность ферментации.

«Жигулевское» пиво стало самым популярным в Советском Союзе. Более 700 пивных заводов производили эту марку. Почему так много? Просто «Жигулевское» пиво бы-

ло «живым», то есть нефильтрованным и непастеризованным, и имело очень короткий срок годности — всего около недели. Именно поэтому производителям необходимо было иметь много точек производства, рядом с потребителями, чтобы свежее пиво могло быть быстро доставлено и потреблено до истечения срока годности.

Помню, что на бутылках жигулевского на пробках выдавливалось число. И мы знали, что самое свежее — это пиво в бутылке с завтрашним числом, только что с завода. А вот сегодняшнее, вчерашнее или позавчерашнее уже так себе, хотя пить можно.

Но в 1978 году в стране разработали новый сорт массового пива — «Ячменный колос». Его плотность была 11%, содержание алкоголя — 3,2% об. Этот сорт был одним из самых распространенных в СССР последних лет, почти заменив «Жигулевское». В советское время «Ячменный Колос» был чуть дороже. Если в пивных, где разливали вручную, кружка «Жигулевского» стоила 22 копейки, то новый «Ячменный колос» стоил уже 26 копеек. Цена пол-литровой бутылки «Ячменного Колоса» составляла 34 коп. без стоимости посуды — на 9 коп. дороже «Жигулевского», но на 7 коп. дешевле премиального сорта пива — «Московского». По вкусу «Ячменный колос» немного горчиц и был чуть-чуть крепче.

Московские пивные можно очень грубо разделить на две категории. Даже не так. Когда начинал писать, для четкости изложения хотел разделить все московские пив-